

ОЧИЩЕНИЕ РОЛЬЮ

• Портреты
«Мастерской»

...КОГДА после спектакля проходишь за кулисами по сцене, становится грустно. Рабочие разбирают декорации, уносят фанерные плиты, которые минуту назад были домом героев пьесы, они здесь жили, и в это верилось. А теперь эту жизнь, которой только что сопереживал, сочувствовал — ее уносят... Это восприятие зрителя. Сергей говорит, что он ничего подобного не испытывает. Хотя иногда, снимая грим, ему жалко расставаться с образом. С человеком, которым только что был. Но это появляется тогда, когда чувствуешь, что роль удалась...

— Поговорим после спектакля, — сказал Сергей Харисов, молодой актер Амурского театра драмы. — Тогда у нас будет больше точек соприкосновения. Вы знаете наше «Гнездо глухаря»? Вы видели его в другом театре? Значит, вы знаете только пьесу Розова.

На сцену вышел мальчишка. Проничный, вполне современный молодой человек из приличной семьи и не без интеллекта — Пров. Он привел в гости девочку. Они целуются. «Ну, еще на копейчку!» — эта реплика вызывает смех зрителей. Но Пров смотрит в зал — и нет больше смеющихся лиц — зачем смеяться над человеком, у которого случилось горе? Ему плохо от всего, что его окружает в этом доме. «Папа, какая у тебя была улыбка!» Ему плохо — потому что случилось непоправимое: его товарищ нуждался в помощи, стоило просто руку протянуть, поговорить — а теперь его уже нет, он ушел из жизни. Это тяжелое испытание для юности — быть рядом со смертью, в которой есть доля твоей вины.

ХАРИСОВ играет взросление. Это понимаешь не сразу. На сцене только бессильный мальчишеский гнев. «Господи, сделай так, чтоб Егор сдох!» — кричит Пров, призывая кары небесные на голову мужа своей сестры, виновника всех несчастий его дома. Кричит мальчишка, которому предстоит еще не раз удивиться тому, что умирают хорошие люди, а плохие почему-то живут. И зритель видит на лице Прова слезы, которые он не в силах остановить. Но Харисов дает не просто удивление и гнев — он показывает тот глубинный процесс взросления, который происходит сейчас в душе этого семнадцатилетнего паренька. Он играет то, что будет потом, когда опустится занавес, он верит в Прова — и зритель верит ему. Сергей Харисов знает внутреннюю логику своего образа — он нашел ее, пожалуй, даже за рамками авторского текста, но нашел, осознал, прочувствовал. И верность движений, мимики, узнаваемость «мальчишеских» словечек — все это, играя на образ, оставило бы его лишь похожей картинкой, если бы не было глубинного, главного — внутренней логики.

УЖЕ ПОТОМ, во время бесед с Сергеем, я убедился, что это — не случайная творческая удача, а результат серьезного, направленного поиска — поиска современного героя.

— Говорят, что в большинстве современных пьес нет героев — есть антигерои. Ведь парадоксально: в жизни героев множество, совсем рядом с нами — герои БАМа. А в пьесах — страдающие мальчишки. Они ищут выход — Пров инсценировал кражу, чтобы крикнуть окружающим: благополучие моей семьи иллюзорно! Но он сам видит, что это не поможет. А что делать — пока не знает. И все же в спектакле Пров — единственный образ, который мог бы стать героем...

Когда Сергей говорит — он движется. Даже если сидит на месте. Но долго сидеть он не может, встает и продолжает говорить, помогает себе жестами. Это игра? Или это что? Вскоре понимаешь — это просто привычка так думать — то есть избирать каждую свою мысль. Как на репетиции. Как на сце-

не. Ведь здесь — вся его жизнь. В одиннадцать утра приходишь на репетицию, в одиннадцать вечера уходишь после спектакля. Есть время привыкнуть? Но театр привык Сергею не только эту привычку — думать пластически, он научил его думать вообще. Театр — концентрированная жизнь, и постигая образ, понимаешь человека.

С Сергеем интересно, прежде всего, — поэтому.

— Сначала, еще в школе, я видел в творчестве актера одну цель — приносить людям радость. А потом, на актерском отделении театрального факультета Дальневосточного института искусств понял, что главное все-таки — воспитание. Зритель должен уходить из зала не просто с чем-то хорошим в душе, а изменившимся — к лучшему. Но необходимо и взаимное обогащение: актер чувствует дыхание зрительного зала и по нему определяет, правильно ли он ставит проблему. Приятно, когда видишь, что попал в точку: задело, поняли. Когда перед аплодисментами — пауза: думают. И если потом вызывают — знаешь, что не из вежливости.

Воспитать зрителя? Сверхзадача, с которой Сергей Харисов живет в театре драмы. Отсюда — поиски героя и, если хотите, — идеала. Достижимого, земного — реального идеального образа.

СЕРГЕЮ не повезло — он испытал очищение образом. В апреле театр поставил пьесу «Между ливнями». Сергей играет в ней Владимира Ильича Ленина. Было внешнее сходство, был прекрасный грим — и вполне объяснимый страх перед ролью. Сложность в том, что в этой пьесе Ленин произносит пятнадцатиминутные монологи и только один раз он показан в общении с матросом Поздыше-

вым. 15 минут наедине с залом в образе Ленина! Сначала репетировали монологи, и, очевидно, осознание важности задачи помогло Сергею понять логику ленинской мысли. И это был ключ к образу. И сцена встречи Ленина с матросом Поздышевым завязалась сразу, на первой же репетиции. Роль Поздышева играл опытный актер театра Спасский. И Леонид Карпыч очень удивлялся легкости рожденного диалога — он больше всего опасался за эту сцену.

Осенью театр был на гастролях в Херсоне. Принимали амурских актеров очень тепло — зрители, которым, наверно, уже немного приелись «музыкально-драматические» спектакли своих театров, были благодарны гостям за серьезный репертуар и столь же серьезное исполнение.

Шел как-то раз Харисов на спектакль по улице города Херсона, навстречу ему — старушка. Зритель.

— Вы Харисов? Очень понравился ваш Пров в пьесе Розова. И пожалуйста, передайте поклон вашему отцу — роль Ленина ему удалась.

Вот что значит — перешагнуть возрастной барьер.

Говорят — творческая удача. Но для Сергея образ Ленина — это больше, неизмеримо больше.

КАЖДАЯ роль оставляет что-то в душе. То есть, Харисов утверждает, что в душе каждого актера есть все необходимые эмоции для исполнения любой роли. Они есть, но дремлют, надо их обнаружить в пужный момент. Что он и делает. И вместе с тем все лучшее, что есть в герое, старается передать зрителям — и оставить в себе. По возможности. Совсем иное — роль Ленина. Сергей чувствует сейчас постоянное влияние этого великого челове-

ка. Полчаса на сцене. А это влияние уже — на всю жизнь. Стал спокойнее, выдержаннее — самому не верится. Бросил курить — случайность? Повысилась требовательность, критическое отношение к самому себе. Очищение ролью?.. И снова — цель, сверхзадача — очищение ролью зрителя. Где ты, дыхание зрительного зала?

Шел спектакль «Между ливнями». В зале рядом со мной сидела интеллигентная дама лет сорока. На сцене появился Харисов в гриме Ленина. Дама сказала вполголоса: «А вот раньше Ленина решался вопрос огромной важности: посылать в Кронштадт войска или нет? Войдя революции волновало, как люди примут НЭП. Не поймут? Но ведь нет другого выхода, в стране разруха, голод...»

Когда из кабинета Ленина вышла матрос Поздышев, в зале воцарилась та самая пауза, пауза перед аплодисментами. А женщина, сидевшая рядом со мной, не выдержала: «Ну почему же они не хлопают?!» — она опять недоумевала.

ЧУДЕСНЫЙ теплый зимний вечер. Окончен спектакль, Сергей идет домой. Его ждут жена Люба и сын Денис. У Любы сегодня нет спектакля и она с сыном — редкий вечер, редкая радость. Люба училась вместе с Сергеем на театральном, на одном курсе. Теперь третий сезон они вместе в Амурском театре драмы. Это Люба играет подружку Прова в «Гнезде глухаря», играет с покоряющей искренностью.

— Вы дома репетируете? — Да ты что, — ужасается Сергей. — Еще и дома!?

Но и он знает, и я уже понял, что репетиция — это больше внутреннее, чем внешнее. То, что происходит в душе. По дороге мы говорим о том, что Сергей удачлив уже тем, что ему довелось играть в хороших классических спектаклях. В чеховском «Вишневом саде» — Лопахина. Да, драматургии Чехова особенно присуще то, что ищет Сергей в героях — «подводное течение» мысли, «внутреннее дно» души.

— Почему иногда актер чувствует себя раскованно, не зажат в рамки? Потому что у самого актера есть это «внутреннее дно». Вот! Свое «внутреннее дно»!

Конечно, это «внутреннее дно» в душе самого актера — уже не столько поиск, сколько созидание — ежедневное, ежечасное.

— Ложись спать, вспоминаешь, какой завтра спектакль — и обязательно что-нибудь эдакое приснится! Может быть, мой психофизический аппарат сам настраивается на игру, на образ? Да, чаще всего это неосознанно. Просто уже потом понимаешь. И если у меня вечером роль Лопахина, я днем постарюсь беречь эмоции — пригодятся.

— Часто бывает жалко уходить со сцены, расставаться с тем, кем только что был, — продолжает Сергей. — Но иногда думаешь: скорей бы этот спектакль кончился! Значит, роль не удалась. А есть роли, которых ждешь, как добрых друзей. Роль не просто так любишь — а за то, что именно можешь этой ролью сказать, что дает пищу для размышлений и тебе, и зрителям. Приносит очищение. Да, очищение ролью...

Д. ЮШКОВ.

100